

вещей, рассказанное Сталиным, является всеобщим. Отсюда можно заключить, что верховный смех связывает верхи и низы. Он является в той же степени верховным, в которой низовым и конспиративным. Он образует способ посвящения публики в политическое таинство и государственный разум: между собой мы можем говорить все! Но этот смех не лишен и веселого невежества: мы смеемся, хотя хорошо знаем, что управляем страной плохо, ну и что из того? Кто нам что сделает? И здесь уже возникает связь морали с политикой и юмором: наша сила настолько велика, что мы можем и посмеяться между собой!

Способность смеяться – отличительная черта человеческого рода. Аристотель поднял ее до ранга высших этических добродетелей. Он полагал, что тактичная шутка выражает меру между глупостью и невоспитанностью. Аристотель относил к дуракам тех, кто считает, что им можно высмеивать все и вся, а к невоспитанным – тех, кто руководствуется принципом: «Я шуток не понимаю и другим шутить не позволю». Юмор Сталина не помещается ни на полюсах, ни за пределами аристотелевской типологии. В нем связаны характеры соглядатая и полицейского, глупого и невоспитанного человека. Но глупым Сталина не назовешь. Куда же его отнести? Я думаю, к клоунам. Глава СССР был просто злым клоуном.

В этом смысле смех стал необходимым элементом советского образа жизни. Смех дисциплинировал и интегрировал общество вокруг поставленных социальных целей, связывал вождя и с партийно-государственным аппаратом. Смех вошел в политическую культуру общества, шагнувшего от революции и Гражданской войны к «нормальному» состоянию, которое определялось политически ненормальным человеком.

С.А. Кравченко

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ФАНТОМОВ

Фундаментальный труд члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко «Фантомы российского общества» является логическим продолжением его многолетних исследований парадоксальности и кентавризма в российском обществе. Вместе с тем данное исследование носит самостоятельный пионерский характер, ибо в нем впервые в социологической литературе концептуально обосновываются условия и механизм производства особых случаев противоречивых, парадоксальных социальных реалий в виде фантомов. Под фантомами автор имеет в

виду явления и процессы, олицетворяющие собой специфические, экстравагантные формы общественного сознания и активности, носители которых обладают гипертрофированными характеристиками – непомерной жадой власти, неограниченным желанием обладать богатством, болезненным стремлением к славе. В латентном виде фантомные явления существовали всегда, но в периоды радикальных преобразований, ломки устоев государственной и общественной жизни они имеют тенденцию проявлять себя как значительное социальное явление, вносящее деструктивность на всех уровнях социальной организации [7, с. 54–55].

Несомненным достоинством исследования является выявление глубинных истоков и причин появления фантомов в общественном сознании и поведении. Резкое увеличение фантомных форм ныне характерно практически для всех стран мира, переходящих от индустриального модерна к модерну рефлексивному и постмодерну, что обусловлено общей дисперсией социума на фоне усложняющейся социальной и культурной динамики. Однако в нашей стране эти процессы были отягощены революционным радикализмом, который, как показал еще П.А. Сорокин, несет лишь веру-иллюзию в скорую и легкую материализацию высоких идеалов, порождая при этом «выскачок» в руководители высших уровней, которые не обладают для этого ни профессиональными, ни личностными качествами [6].

По мнению Ж.Т. Тощенко, распад СССР привел к краху устоявшегося образа жизни, пересмотру ориентаций и ценностей – исчезла база того мировоззрения, на которую опирались люди. Приход в жизнь капитализма авантюристического типа, рыночных отношений, основанных на иррациональном стремлении к наживе, стимулировал появление таких людей, которые в силу личностных социально-психологических особенностей увидели в новой обстановке «возможность не просто изменить свою жизнь, а претендовать на более высокий социальный статус, “достойное” официальное положение и признание. Часто это происходило в условиях неадекватной оценки собственных возможностей и способностей». Для достижения таких статусных позиций использовались как легитимные, так и нелегитимные средства или их комбинация. Основными притязаниями таких деятелей стали богатство, власть и слава. А чтобы замаскировать свое истинное лицо, ими активно использовался «метод надевания чужих масок», чему активно способствовали такие средства, как создание политических партий, общественных движений, лоббистских групп, поддержка СМИ, особенно телевидения [7, с. 65–69].

В итоге таких перформансов с масками, заметим, получающих все большее распространение в современном мире, как показал Дж. Александер, идет процесс перекодирования смысла человека и его деятельности – формируется парадоксальный фантом в виде «двойной телесности»: одно – реальное тело индивида, который, как правило, обладает ординарными способностями; другое – тело «героя» для публики, желающей быстрых и легких решений своих насущных проблем [2]. Фантомы далеко не безобидны, напротив, они несут социуму деструктивность и дисфункциональность, ставят под угрозу самодостаточность общества, которая, по Т. Парсонсу, предполагает его способность контролировать как внутренние процессы, так и взаимоотношения с окружением [5, с. 792]. Многие новые социально-экономические и политические конфликты в российском обществе были порождены именно фантомами.

К счастью, фантомы представляют короткоживущее явление – подобного рода деятели внезапно появились и также стремительно исчезли со страниц текущей истории общества и государства, что еще «предстоит, – как отмечает Ж.Т. Тощенко, – осмыслить» [7, с. 64]. Принимая приглашение к осмыслению вопроса о короткоживучести фантомов, со своей стороны выскажем три соображения. Во-первых, фантомы, будучи не просто парадоксальными, а специфическими, экстравагантными формами общественного сознания и поведения, функционально не вписываются в основные подсистемы общества – социальные сообщества, фидуциарную, политическую и экономическую подсистемы, которые, по Т. Парсонсу, выполняют соответственно функции интеграции, воспроизводства образца, целедостижения и адаптации [4, с. 97]. Фантомы в силу своей экстравагантной сущности не могут выполнять ни функции интеграции, ни функции адаптации. Сказанное не означает, что общество вообще не способно приспосабливаться к инновациям. При всех новых напряжениях, которые они несли, самодостаточность общества, его порядок поднимались на новый уровень. Появление же фантомов как функционально чужеродных явлений вызывает их отторжение не только со стороны реалий конкретной подсистемы, но всем обществом в целом, ибо все компоненты общества взаимозависимы и стремятся к поддержанию определенного порядка и равновесия. Во-вторых, парадоксальная экстравагантность фантомов проявляется в игризации, под которой мы понимаем внедрение принципов игры, эвристических элементов в прагматические жизненные стратегии.

И. Гофман отмечает, что есть целая «область игр, предполагающих блеф», участникам которых «есть что скрывать» [1, с. 692]. Так, в политической сфере «под флагом демократизации общественной жизни начался новый этап образования фантомных партий без мало-мальской перспективы занять хотя бы небольшую нишу на политическом и общественном пространстве. К середине 2014 г. было официально зарегистрировано свыше 80 партий и еще несколько десятков ждали своей очереди» [7, с. 58]. Разумеется, их соответствующие фантомные руководители и не рассматривают свою политическую деятельность в духе М. Вебера как призвание и профессию, «самостоятельное руководство». Для них политика скорее игра с нулевой целью, приносящая, однако, прагматические дивиденды в виде богатства, власти, славы. Ввиду того, что фантомные партии никого и ничего не представляют, не выдвигают реальные, достижимые, социально одобряемые цели, они не могут быть значимы для судеб России и не могут функционировать существенное время. В-третьих, фантомы в значительной степени олицетворяют собой симулятивные явления. Как симулякры, они по определению обладают лишь весьма относительной живучестью, подвержены замене на другие симулякры, обладающие большей перформативностью и привлекательностью. Вместе с тем, даже будучи короткоживущими симулятивными явлениями, фантомы несут с собой новые уязвимости в виде «побочного ущерба» для общества, который, по З. Бауману, может проявляться в миксофобии (страх перед увеличивающимся многообразием опасностей), порождении «заборных сообществ», ослаблении и закате межчеловеческих уз [3, с. 7].

Несомненный интерес в монографии Ж.Т. Тощенко представляет опыт классификации фантомов с выделением их «общественно значимых черт». Если о тех или иных проявлениях фантомности написано немало, то подобная систематизация фантомов как особых социальных типов, являющихся реальными политическими деятелями, активными игроками рыночной экономики, представителями СМИ, предпринята впервые. Это не только научная, но и практически значимая проблема, ибо опасность фантомов проявляется в том, что «они активны и самым губительным образом участвуют в манипулировании общественным мнением» [7, с. 71].

В основу классификации фантомов общественного сознания и поведения автором положены такие основные критерии, как власть, слава, богатство, их различные комбинации. Соответственно, выделяются и конкретно анализируются такие социальные типы фантомов, как «бесы», «авантюристы», нашедшие наглядное воплощение в так

называемой семибанкирщине; «мутанты», ориентированные на славу и богатство, ради чего они с легкостью отрекаются от мировоззрения, «объявляют себя сторонниками прямо противоположных идей и убеждений»; «блуждающие форварды (шатуны)» – люди, «мигрирующие» из одной партии в другую, затем в третью, четвертую и так до бесконечности; «нарциссы» – индивиды, проявляющие самолюбование, изображающие «заботу» об общественном благе и за счет чего сами ведущие безбедный образ жизни; «ксенофобы» – политические националисты, породившие различные виды «независимостей» и «суверенитетов»; «геростраты» – «этот фантомный тип личности готов пойти на все ради того, чтобы стать известным, осуществить любую акцию вплоть до преступления»; «коллаборационисты» – тип людей, пытающихся «пожизниться тем, что осталось от прошлого, невзирая на то, имеет ли оно какую-то ценность для сегодняшнего дня или нет» [7, с. 70–75]. Проведенный автором анализ фантомов, выражающих определенный пласт современного общественного сознания и поведения, по существу, обосновывает новый теоретический подход, позволяющий и сегодня перспективно исследовать многогранность содержания общественного сознания и поведения. Полагаю, у этого подхода найдутся последователи, к числу которых я отношу и себя.

По одному из положений, высказанных в монографии, хотелось бы вступить с автором в полемику. Ж.Т. Тощенко особо отмечает: «При трактовке поступательного хода истории с позиций двух основных путей – “революция” и “эволюция” – все же невозможно охватить и объяснить все многообразие реальных процессов и событий – нужно использовать понятие “травма” как своеобразный промежуточный этап между двумя названными путями» [7, с. 50]. Бесспорно, соглашаясь с тем, что «Россия представляет собой травмированное общество, которому присущи противоречивые, взаимоисключающие ориентации и установки», более того, считая совокупность уязвимостей сложного социума проявлением «нормальной аномии», полагаю, что гипотетически возможно нетравматическое, гуманистическое развитие, которое необходимо научно обосновывать и практически отстаивать. Данное развитие, разумеется, не предполагает новую романтическую утопию счастливого будущего без травм, рисков и уязвимостей. Однако именно новые травмы и уязвимости, возникшие в сфере взаимоотношений социума и природы, породившие вызовы, связанные с турбулентностью климата, могут, особо подчеркнем, вынудить человечество сделать выбор в пользу того, чтобы человечеству быть, встав на путь гуманистического развития с доминированием альтруистических ценно-

стей, которые в принципе способны, если не элиминировать, то минимизировать травмы, производимые в значительной степени субъективной деятельностью фантомов.

В целом надо отметить, что новая монография Ж.Т. Тощенко представляет собой веху в развитии российской социологии. Она не только в концентрированной форме выражает научные итоговые наработки ее автора – выдающегося ученого-социолога, недавно отметившего 80-летний юбилей, но и открывает принципиально новое направление исследований в социологии жизни, у которого, убежден, будет много последователей.

Примечания

1. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2003.

2. *Кравченко С.А.* Культуральная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности инструментария) // Социологические исследования. 2010. № 5.

3. *Кравченко С.А.* Становящаяся сложная социальная реальность: проблемы новых уязвимостей // Социологические исследования. 2013. № 5.

4. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997.

5. *Парсонс Т.* О социальных системах. М., 2002.

6. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992

7. *Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М., 2015.

В.К. Левашов

ФАНТОМЫ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Когда начинаешь читать монографию Ж.Т. Тощенко «Фантомы российского общества», то сразу складывается впечатление, что автор представил на суд читателей произведение, которое по форме и содержанию выходит за рамки научного исследования. Мастера препарирования социологических методологий и методик не сразу найдут точку приложения своих аналитических способностей. Скорее у читателей возникнут ассоциации с другими эпистолярными формами выражения человеческого разума, каждая из которых своими изобразительными возможностями призвана достоверно отразить историческую и актуальную реальность.